

— Чэнь Синчжо! В твоём пространстве... неужели до сих пор хранится тот пакет лапши со слитками, который я тебе тогда сожгла?!

Вопль Чжоу Линьюэ, полный рыданий, смешался с ослепительными вспышками молний, раздирающими небо за окном, и оглушительными раскатами грома. Этот крик, словно тяжёлый молот, вобравший в себя всю стужу прошлой жизни и всю ярость нынешнего ливня, с размаху пробил брешь в онемевших от долгого ожидания нервах Чэнь Синчжо.

Сжавшееся в холодном углу тело вздрогнуло.

Чэнь Синчжо, словно пронзенная невидимым электрическим разрядом, резко вскинула голову. По ее лицу, застывшему в расширенных зрачках, стекали смешанные с пылью слезы. Еще мгновение назад пустые и безжизненные глаза, полные отчаяния и усталости, при виде босоногой фигуры в ночной сорочке, стоящей у порога и заливающейся слезами, вспыхнули, как две ледяные звезды, упавшие в раскаленную лаву. В них с оглушительным грохотом вспыхнуло невероятное, ослепительное сияние — свет обретения того, что считалось навсегда утраченным, способный осветить весь этот мрачный коридор.

Этот свет был таким жгучим, таким нестерпимо ярким, исполненным почти разрушительного экстаза и хрупкости, что он вонзился прямо в затуманенный слезами взгляд Чжоу Линьюэ.

Это она! Это она! Линьюэ вспомнила! Она наконец-то... наконец-то вернулась!

Вся обида, усталость, перенесенный страх и отчаяние в этот миг, словно бурный поток, долго сдерживаемый плотиной, нашли свой единственный выход. Из горла Чэнь Синчжо вырвался сдавленный, надрывный всхлип, и ее тело, мобилизовав силы на пределе возможного, рванулось с холодного пола. Не обращая внимания на адскую боль в коленях, ударившихся о пожарный гидрант, она, словно заблудший путник, наконец нашедший дорогу домой, пошатываясь и спотыкаясь, бросилась к распахнутой двери — символу своего спасения.

— Линьюэ!

Хриплый зов, в котором чувствовался привкус крови, вобрал в себя всю тоску и страх прошлых и нынешних жизней, врезаясь в сознание Чжоу Линьюэ.

Секундой позже холодное, пропахшее пылью коридора и потом тело с огромной силой врезалось в теплые объятия Чжоу Линьюэ, окутанные ароматом геля для душа. Удар был настолько мощным, что Чжоу Линьюэ невольно охнула и отступила на полшага, ударившись спиной о холодный металл распахнутой двери, что отозвалось глухим лязгом.

Но эта мимолетная боль была мгновенно поглощена захлестнувшим их потоком мощных, противоречивых чувств.

Человек в ее объятиях был подобен ледяной глыбе, только что вытащенной из полярных вод: она вся неконтролируемо дрожала, промокшая спортивная одежда прилипла к коже, передавая леденящий холод и бешеный ритм сердца, вырвавшегося из лап смерти. Руки Чэнь Синчжо, словно прочные лианы, намертво, почти до хруста костей, вцепились в поясницу Чжоу Линьюэ, будто пытаясь стереть границы между ними, впитать ее в себя, чтобы больше никогда не разлучаться.

— Линьюэ... Линьюэ... у-у... — обжигающие слезы, словно прорвавшая плотину река, хлынули потоком, мгновенно пропитывая тонкую ткань ночной сорочки на плече Чжоу Линьюэ. Чэнь Синчжо уткнулась лицом в ее шею, ее горячее дыхание обжигало чувствительную кожу, а из груди вырывались надрывные рыдания, похожие на плач израненного зверька, нашедшего убежище посреди бури. — Я думала... я думала, ты меня бросила... я думала, что не успею...

Каждый дрожащий слог, словно рыболовный крючок с зазубринами, вонзался в сердце Чжоу Линьюэ, вызывая ответный поток слез и еще более глубокое чувство вины. Рев бури за окном стал лишь далеким фоном, в коридоре остались только невыносимые, раздражающие душу рыдания человека в ее объятиях и ее собственное тяжелое, прерывистое дыхание.

Оцепеневшее тело Чжоу Линьюэ в одно мгновение обмякло, почувствовав этот дрожащий холод и горячие слезы. Фрагменты ледяных воспоминаний о прошлой жизни — невыносимый зной, метели, голод, руины, отчаянный взгляд Чэнь Синчжо, пронзенной арматурой... — захлестнули ее, накладываясь на образ этой настоящей, живой и такой хрупкой девушки, рыдающей у нее на груди.

Огромный страх за пережитое и экстаз от возвращения невозможного, словно две гигантские ладони, сжали ее сердце, грозя раздавить его в пыль.

— Прости... прости меня, Синчжо... — слезы Чжоу Линьюэ тоже хлынули градом. Она крепко, с такой же отчаянной силой обняла дрожащее холодное тело, одной рукой дрожащими пальцами поглаживая потную, озябшую шею Чэнь Синчжо, а другой неуклюже, снова и снова похлопывая ее по вздрагивающей спине, пытаясь передать хоть крупицу тепла и утешения. — Это я дура! Я бестолковая! Это я... это я тебя не узнала! Прости... прости меня...

Ее голос срывался, она бормотала бессвязные слова, сквозь которые пробивалась невыразимая боль. Она опустила голову, прижимаясь губами к влажному, холодному виску Чэнь Синчжо, раз за разом повторяя свои беспомощные извинения, словно только так могла хоть немного притупить чувство вины, пожирающее ее изнутри.

В этот самый момент —

— Грохот!!!

Еще одна, ослепительно-белая, чудовищная молния, словно топор великана, с яростью расколола свинцово-серые, кипящие тяжелые тучи за окном! Вслед за ней раздался оглушительный удар грома, от которого, казалось, подпрыгнул весь дом!

Крах-та-та!!!

Вместе с громом снизу донесся неприятный, резкий звук бьющегося стекла! Следом за ним сработали сигнализации нескольких машин, и их пронзительный, хаотичный вой прорезал шум бушующей стихии!

— А-а! — из глубины дома донесся испуганный женский крик.

Температура, казалось, после этого раската грома резко упала! Сквозняк в коридоре, до этого лишь слегка прохладный, мгновенно стал ледяным, как клинок! Он ударил по обнаженной коже, покрывая ее мурашками!

Эта внезапная перемена, словно ушат ледяной воды, заставила обеих, погруженных в пучину эмоций, вздрогнуть!

Плач Чэнь Синчжо оборвался, она резко вскинула голову, уткнувшись в шею Чжоу Линьюэ! Ее глаза, только что наполненные слезами, в ослепительном свете молнии мгновенно стали острыми, как у ястреба, холодными и полными пугающей бдительности и жажды боя! Это был инстинкт, выкованный в бесчисленных схватках со смертью в прошлой жизни! Она почти рефлекторно прикрыла Чжоу Линьюэ собой, подавшись вперед и приняв оборонительную стойку. Ее холодный взгляд, как прожектор, сканировал лестничную клетку и открытый лифт! Казалось, еще мгновение — и оттуда выскочит мутировавший зверь или жестокий мародер!

Эта перемена произошла так стремительно, что сердце Чжоу Линьюэ сжалось! Она отчетливо почувствовала, как мышцы Чэнь Синчжо напряглись, став твердыми, как сталь, ощутила исходящую от нее ледяную настороженность и жажду убийства. Это была та самая Чэнь Синчжо... та, что выживала в апокалипсисе, потеряла ее, несла на себе бремя тайны пространства и болезненных воспоминаний... ее возлюбленная.

— Синчжо... — голос Чжоу Линьюэ слегка дрожал, она осторожно потянула Чэнь Синчжо за напряженную руку. — Это просто гром... стекло разбилось... никакой опасности нет...

Напряженное тело Чэнь Синчжо слегка обмякло, словно ей потребовалось полсекунды, чтобы выйти из состояния боя, вьёвшегося в кости. Холодная ярость в ее глазах отступила, как прилив, сменившись глубокой усталостью и испугом. Она обернулась к Чжоу Линьюэ, и ее взгляд снова потеплел, в нем промелькнуло облегчение от того, что все в порядке, и нотка вины.

— П-прости... я... — ее голос был хриплым, полным изнеможения человека, только что вырвавшегося из лап смерти.

— Не извиняйся! — отрезала Чжоу Линьюэ, и в ее голосе звучала непреклонная решимость. Она крепко перехватила холодное запястье Чэнь Синчжо с такой силой, словно хотела передать ей всю свою энергию. — Это мне нужно просить прощения! На улице слишком

холодно! Быстрее заходи! Зайдем внутрь и поговорим!

Больше не колеблясь, она с силой втянула Чэнь Синчжо в квартиру.

— Бах! Бах!

Чжоу Линьюэ, стиснув зубы, изо всех сил быстро и решительно захлопнула деревянную дверь, а затем тяжелую металлическую задвижку. Щелчок двух замков, словно последний затвор, отсек внешний мир, бушующий хаосом и холодом.

Теплый, пропитанный знакомым ароматом эфирных масел воздух мгновенно окутал их. Яркий свет ламп разогнал полумрак коридора. Под ногами был мягкий ковер, разительно отличающийся от холодного и жесткого бетона за порогом.

Безопасно. По крайней мере, на время.

Это осознание заставило нервы Чэнь Синчжо, натянутые до предела, внезапно ослабнуть. Она покачнулась, едва удерживаясь на ногах. Бессонная ночь, бесконечная гонка, колоссальное нервное напряжение, буря эмоций и навалившаяся теперь усталость накрыли ее, как цунами. Ее лицо стало бледным как полотно, губы лишились красок, а взгляд слегка расфокусировался.

— Синчжо! — вскрикнула Чжоу Линьюэ и, подхватив ее, помогла дойти до мягкого дивана в гостиной. — Как ты? Где болит? Хочешь воды? Или...

Чэнь Синчжо обессиленно откинулась на спинку дивана, тяжело дыша, и слабо махнула рукой, показывая, что она в порядке, просто очень устала. Ее взгляд машинально скользнул по знакомой гостиной: чистота, бежевый диван, на журнальном столике из натурального дерева стоит полупустой стакан с ледяной водой, рядом светится экран ноутбука, открытый на странице поиска литературы. Все было таким мирным, нормальным, наполненным духом эпохи спокойствия. Этот контраст был настолько сильным, что у нее возникло чувство нереальности происходящего, будто все, что было за дверью, — лишь слишком живой ночной кошмар.

Чжоу Линьюэ, глядя на ее бледный, изможденный вид, почувствовала острую боль в сердце. Она бросилась на кухню, распахнула холодильник, забитый напитками и фруктами. Не раздумывая, она схватила несколько бутылок энергетиков, большую бутылку минеральной воды, нашла плитку высококалорийного шоколада и все это выложила на столик.

— Быстрее, пей! Надо восстановить силы! — она открутила крышку энергетика и без всяких возражений вложила бутылку в руки Чэнь Синчжо, ее тон был повелительным, но в нем сквозила острая тревога и жалость.

Чэнь Синчжо действительно мучилась от жажды, горло пересохло до боли. Она взяла бутылку и жадно начала пить. Прохладный, сладковатый напиток, обогащенный электролитами,

проскользнул в обожженное горло, принося облегчение, подобное дождю в засуху, и немного проясняя ее спутанные мысли. Она разорвала обертку шоколада, запихнула кусок в рот и начала жадно жевать — приторный вкус таял, принося с собой крохи энергии.

Чжоу Линьюэ сидела рядом на ковре, прислонившись к дивану, и неотрывно смотрела, как та пьет и ест. В ее взгляде смешалось все: невыносимое чувство вины, жалость, радость от возвращения и глубокая, почти благоговейная привязанность, будто она хотела запечатлеть в своей душе каждый контур лица любимого человека. Ее глаза все еще были красными, а на длинных ресницах дрожали невысохшие слезы.

В гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками глотков Чэнь Синчжо и завыванием бури за окном. Между ними повисло молчание людей, переживших катастрофу, но понимающих друг друга без слов.

Наконец, Чэнь Синчжо отставила почти пустую бутылку и развернула второй кусок шоколада. Ее лицо немного порозовело, но в глазах по-прежнему читалась глубокая усталость. Она облизнула пересохшие губы и посмотрела на шелковую ночную сорочку Чжоу Линьюэ, пропитанную ее слезами, потом и дождем, а затем на ее белые босые ноги, стоящие на мягком ковре.

— Иди... переоденься, не простудись, — ее голос все еще был хриплым, но уже ровным, с едва уловимой заботой.

Чжоу Линьюэ упрямо покачала головой. Она протянула руку и холодными пальцами коснулась щеки Чэнь Синчжо, испачканной в пыли и слезах. Ее движения были осторожными, почти благоговейными — она хотела стереть эти следы пережитых страданий.

— Как... как ты вернулась? — голос Чжоу Линьюэ был тихим, с едва заметной дрожью, словно она боялась спугнуть видение. — В том наводнении... та арматура... и нефритовый кулон... — она не могла договорить, картины прошлого снова пронзили ее сознание.

Тело Чэнь Синчжо при этом прикосновении едва заметно напряглось, а затем обмякло. Она закрыла глаза, чувствуя это прохладное, успокаивающее касание, которое, казалось, прогоняло холод из самых глубин ее души.

— Я не знаю... — тихо ответила она, ее голос звучал как бред в полусне. — Помню только... очень холодно... очень больно... вода хлынула внутрь... перед глазами сплошная чернота... а потом... груди стало горячо... открыла глаза — и я здесь... — она помолчала, открыла глаза, взгляд стал яснее, с оттенком почти жестокого спокойствия. — Кулон... вернулся вместе со мной. Пространство... и все, что было внутри... все на месте.

Она подняла руку и накрыла ладонь Чжоу Линьюэ, лежащую на ее лице, крепко сжимая ее. С силой, рожденной отчаянным желанием убедиться, что все это — реальность.

<http://bllate.org/book/22447/2359191>